

НЕСКОЛЬКО ПИСЕМ ЗАРЫ ГРИГОРЬЕВНЫ МИНЦ

Т. П. МИЛЮТИНА

В мае 1962 г. мне посчастливилось оказаться на первой Блоковской конференции. Юрий Михайлович Лотман, Зара Григорьевна Минц и проф. Максимов – поразили меня. Атмосфера конференции была необычной не только для тогдашнего времени: темы докладов, свободная смелость высказываний, высокий уровень.

В 1964 г. все это опять встало в памяти – вышел первый Блоковский сборник.

В начале 67-го г. произошло чудо – мне пришло письмо от Зары Григорьевны Минц:

"Уважаемая Тамара Павловна, от работников нашей кафедры (С. Г. Исакова и студентки А. Мальц) я узнала, что Вы в 1930-е гг. были хорошо, близко знакомы с Елизаветой Юрьевной Кузьминой-Караваевой. Меня очень интересует все, связанное с эти благородным именем. В томе "Ученых записок", который сдан нами сейчас и выйдет где-то к концу этого – началу 1968 года, есть материал о Е. Ю., подготовленный Д. Е. Максимовым и мной (а еще до этого я опубликовала письмо Ал. Блока к Е. Ю. и т.д.). Поэтому меня очень взволновало услышанное от А. Мальц, и я рискую обратиться к Вам с просьбой: не могли ли бы Вы написать для наших "Ученых записок" воспоминания. Мне кажется, что если, вообще, слово "долг" – реальность, а не "звук пустой", то одна из основных задач каждого культурного человека – не дать погибнуть той части истории, которая известна ему и только ему. История – это люди, которые ведь жили для чего-то, а не просто были марионетками в чьих-то руках. Достаточно вынужденной анонимности миллиардов людей, живших вне культуры, или невольной – по тем или иным историческим причинам – анонимности того, что нам неизвестно. Но культура тем и отличается от "китаизма", что не должна бессмысленно исчезать ни одна сознательная жизнь... . Если Вы со мной согласны – очень прошу ответить мне. В случае необходимости я могу сама приехать в Таллин или же прислать кого-то из студентов, чтобы они помогли Вам, записав воспоминания "с голоса". Вы, вероятно, знаете, что издание наше, как и все "Ученые записки" – бесгонорарное. Зато оно имеет и плюсы: регулярность выхода и гарантию того, что Ваш текст будет Вашим (а не искаленным редактурой) текстом.

Жду от Вас письма с большим нетерпением. Всего-всего Вам хорошего!

8.11.67

Доц. ТГУ З. Минц

Я ответила сразу же, перечислила все, что у меня есть о матери Марии, перечислила живущих в Риге и Таллинне, знавших мать Марию и могущих написать о ней, усомнилась в своих способностях.

Ответ пришел уже 11 февраля:

"Уважаемая Тамара Павловна! Большое спасибо Вам за чудесное письмо, за интересные сведения, за такую высокую оценку нашей кафедры (думаю, что Вы преувеличиваете, но все равно – приятно), а, главное, – за согласие (так я расценила Ваше письмо) работать с нами.

Надеюсь, что здоровье Вашего мужа улучшается и что Ваше предложение приехать в конце февраля остается в силе. Мне не очень подходит 28 февраля, в остальные я – полностью к Вашим услугам (в том числе и в воскресенье). Конечно, было бы очень хорошо увидеть те ваши материалы, о которых Вы пишете (а я Вам покажу свои). Тогда же мы обговорили, в какой форме лучше написать Плюханову, а также другим знавшим мать Марию или Б. Вильде и упомянутым Вами Вашим знакомым <...> Я абсолютно уверена, что Ваша работа пойдет отлично и принесет пользу нашему общему делу – продолжению нашей культурной традиции, которая умирает, если ее прервать, и которая одна в силах воскресить человека. Ваше письмо показало, что на Дело жизни мы с Вами смотрим одинаково.

С искренним уважением З. Минц. Жду Вас".

Я несколько раз приезжала в Тарту, останавливалась у маминной подруги, бывала у Зары Григорьевны, видела жизнь этой необыкновенной семьи, во мне так навсегда и осталась очарованность ими.

С 25-го мая по 28-ое мая 1967 г. была вторая Блоковская конференция, оставшаяся в памяти. Нас – из Таллинна – приехало несколько человек, не имевших к Тартускому университету никакого отношения. С разрешения Зары Григорьевны.

Во вступительном слове проф. Д. Е. Максимова было сказано, что пришло время серьезно изучать сложную эпоху символизма, так долго замалчиваемую и что цель конференции ускорить этот процесс. Съехались со всех сторон – в Тарту было свободнее дышать. Был, так ожидаемый нами, знавшими мать Марию, доклад Д. Е. Максимова "Е. Ю. Кузьмина-Караваева и ее воспоминания об Ал. Блоке". Был ошеломляющий доклад А. В. Белинкова "Статья А. Блока "О назначении поэта" и роман Ю. Олеси "Зависть" ". Тайно передавали друг другу, что дипломная работа Белинкова "Дневник чувств" принесла ему не окончание университета, а арест. На конференции говорилось

о тех, о ком принято было молчать. Было очень много докладов. Каждый день кончался интереснейшими воспоминаниями: С. М. Алянского о Блоке, М. С. Альтмана о Вячеславе Иванове, Нины Ивановны Гаген-Торн об Андрее Белом и Вольфиле (Вольно-философская ассоциация).

Я была даже на "чашке чая", устроенной после окончания конференции Вальмаром Адамсом у себя на квартире. Увидела многих докладчиков в другой обстановке. Зару Григорьевну все называли – музой Блоковских конференций.

Летом 67-го г. было большое письмо (дата по штемпелю на конверте – 13 июля), написанное на берегу моря, на острове Сааремаа, под ярким солнцем и ледяным ветром, дающее представление о загруженности делами даже в дни отпуска.

"... Я была всю весну завалена сверхсрочными и проч. делами. Сейчас чуть-чуть вздохнула посвободней, хотя все же относительно: 1) не сделаны даже еще все неотложные дела (так, передо мной лежит корректура III тома "трудов по семиотике", которую я должна была прочесть и оставить в Тарту, но не успела и завезла с собой на дачу. Ее надо срочно прочесть и отправлять, а она большая – а – я!) 2) между тем, нахлынивают (так, что ли?) новые дела – к осени мне надо сдавать II часть своей брошюры "Лирика Александра Блока". Первую я написала в дикой спешке – вторую хотела бы сделать, не торопясь и подумав. Кроме того к осени Юр. Мих. формирует сборник монографических анализов художественных произведений, который, по договоренности с нашими издательствами, будет печататься в Италии. В сборнике будут участвовать, пожалуй, лучшие наши лингвисты (Иванов, Топоров) и литературоведы (Пропп, Лихачев) – туда тоже стыдно давать непродуманную халтуру! 3) лето наше тоже сложилось, хотя и лучше, чем можно было ожидать при нашей занятости и организационном бессилии, но все же не самым простым и естественным образом.

У Юр. Михайл. отпуск начинается только в августе. Пока он в Москве, руководит студенческой архивной практикой и может быть, останется в Москве на часть отпуска т.к. он из-за необычайной трудности этой весны не смог работать над книгой, которую ему к осени кончать непрерывно (это – уже второй срок по договору, продленный: к первому он не успел).

Итак, я на даче – с детьми, тетей Маней, няней и собакой Кери – все личности, Вам знакомые. Живем мы в местах довольно экзотических – на острове Сааремаа! ...

Но в целом я довольна. Весна была такая непередаваемо трудная, что я уже не надеялась на отдых. А он все же настал.

Как Ваши дела? Пишутся ли мемуары? – Я жду их очень..."

Поразительно было, как Зара Григорьевна при совершенно непосильной

нагрузке – и научной и житейской – приняв в свое сердце человека уже не оставляла его своей поддержкой, внушала ему веру в его возможности.

"23.Ш.68. Дорогая Тамара Павловна! Ваше письмо меня и очень обрадовало, и очень огорчило. Что за чепуха (простите, Бога ради, за термины!) все Ваши драматические объяснения. Просто–напросто у Вас нет времени работать – зачем подводить под это такой мрачный базис, что, мол, Вы не можете писать. Я слушала, как Вы говорите, и знаю, что Вы вспоминаете очень интересно, с большим человеческим и артистическим чутьем. Непременно приезжайте в Тарту – я и Анн Мальц Вас запишем, и все будет в порядке. Если Вам неприятно говорить "под руку" пишущему, диктуя – запишем на магнитофон (хотя это несколько сложнее). Дорогая Тамара Павловна, я очень прошу Вас помнить о большом, вне "я" и вне всяких настроений (даже самолюбия!) лежащем значении того, что есть в Вашей памяти. Просто Вам надо собраться (и в смысле "найти время" и внутренне). Жду Вас в Тарту. Апрель вполне подходит <...>."

Записывать меня не пришлось – я сама написала о матери Марии. Мне не хотелось повторять уже известного, а своего показалось мало и я прибавила и о Борисе Вильде, и о Русском Студенческом Христианском Движении, которое было моей жизнью, и о литературных чтениях и поэтах. Так получились "Три года в русском Париже".

Зара Григорьевна одобрила, посоветовала расширить часть о литературных собраниях, убрать мои восторги по поводу самого Парижа. За это время положение "Блоковских сборников" изменилось – был наложен запрет на печатание воспоминаний.

"31.ХП.72. <...>Зря Вы тогда меня не послушались – было бы уже напечатано. Теперь, конечно, сложнее. И все же я бы посоветовала Вам их продолжить, закончить, дать нам (пока без всяких гарантий, а там – посмотрим, – "все течет, все изменяется". Буду ждать. <...>".

Я очень дорожила прикосновением к удивительному миру Юрия Михайловича и Зары Григорьевны, благодарно понимала его значение в моей жизни.

"26.12.80. Глубокоуважаемая и дорогая Тамара Павловна! <...> После Вашего последнего письма абсолютно укрепилась в мысли, что Вам необходимо написать воспоминания (большие!!!). Очень бы хотелось поговорить. Юрий Мих. низко кланяется. Ваша З. Минц".

В 81–ом году я начала свои записки, назвав их "Сыновьям. Люди моей жизни." Зара Григорьевна не оставляла меня своей поддержкой.

"4.1.88. <...>Жду от Вас новых интересных воспоминаний. Надо бы, пока погода не изменилась, попробовать что–то напечатать в "Таллине" или в

"Викеркааре". Если Вы не против – сразу напишите мне, я напишу Семененко. Вдруг пойдет?!

Я, конечно, попробовала бы и у нас, но у нас все еще – запрет на мемуары и, вообще, на публикации (и какой идиот это придумал?! ведь в I и II "Блоковском" публикации составляли интереснейшую часть!) < ... >

Зара Григорьевна сама послала рукопись, но оба журнала не захотели напечатать.

Когда в 88-м году многие запреты отпали, стали свободнее – Зара Григорьевна сразу же поместила в IX "Блоковский сборник" прекрасный очерк Б. В. Плуханова "Мать Мария (Скобцова)", а в собиравшийся для X сборника материал – мои "Три года в русском Париже", пожелав, чтобы я включила и разные мелочи и случаи, касающиеся умнейших и своеобразнейших людей, которых мне – двадцатилетней – когда-то посчастливилось видеть и слышать. Это у меня записано для Зары Григорьевны в 82-м году и называлось "Вспомнившееся". Кроме того – на будущее – она захотела получить стихи умершего в лагере молодого поэта Юрия Галя в рамке моего лагерного рассказа. Сохранилась открытка от 8 января 1989 г.:

"<...> Огромное спасибо за воспоминания о Ю. Гале и его стихи. Я прочла их в тот самый день, когда Андрей < мой сын – Т. П. > их привез – потрясающе интересно и, как всегда, прекрасно написано!

Андрей говорил, что, может быть, Вы все переедете к нам в Тарту. Я понимаю, как это сложно и реально и психологически, но я была бы просто очень счастлива приобщить Вас к нашей повседневной жизни и работе <...>".

Мы переехали в Тарту в мае 1989 г. В июле я держала корректуру "Трех лет".

7 августа 1990 г. опять случилось чудо – на наш пятый этаж поднялась Зара Григорьевна в сопровождении Л. Н. Киселевой и читала мне совершенно шлемовишную статью о стихах Юрия Галя и о моих воспоминаниях. Я с трудом верила в реальность происходящего. В большом списке задуманных ею статей – эта единственная, которую Зара Григорьевна успела написать.

В двенадцатых числах сентября был отъезд в Италию. 26-го октября стало известно о непоправимом случившемся.

Невероятно быстро был набран и напечатан XI-ый Блоковский сборник, включивший статью Зары Григорьевны "О Т.П.Милютиной, ее воспоминаниях и о поэте Юрии Гале" и мой отрывок из воспоминаний. В самом конце 91-го увидел свет и X-ый, с моими "Тремя годами в русском Париже". Последние сборники, составленные Зарой Григорьевной.

Переполненная чувством благодарности к Заре Григорьевне, продолжающей жить в моем сердце, желая как-то выразить свои чувства, я позвонила Юрию Михайловичу. Он выслушал мои сбивчивые слова и так хорошо и задумчиво сказал: "... Это вам и мне привет от нее".